

ГЕОРГ ВИЛЬГЕЛЬМ ФРИДРИХ ГЕГЕЛЬ

ФЕНОМЕНОЛОГИЯ ДУХА. VI. В. II. ПРОСВЕЩЕНИЕ

Специфический предмет, на который чистое здравомыслие направляет силу понятия, есть вера как форма чистого сознания, противостоящая здравомыслию в той же стихии. Но чистое здравомыслие находится также в соотношении с действительным миром, ибо оно, как и вера, есть возвращение из действительного мира в чистое сознание. Посмотрим прежде всего, какова его деятельность по отношению к нечистым намерениям (*Absichten*) и превратным взглядам (*Einsichten*) этого мира.

Выше уже упоминалось о покоящемся сознании, которое противостоит этому круговороту, внутри себя растворяющемуся и возрождающемуся; оно составляет сторону чистого здравомыслия и намерения. Но в это спокойное сознание не входит, как мы видели, *особенный* взгляд на мир образованности; этот мир, напротив, сам обладает мучительнейшим чувством и истиннейшим здоровым взглядом на себя самого – чувством того, что он есть разложение всего укоренившегося, словно он колесован во всех моментах своего наличного бытия и все кости у него раздроблены; точно так же он есть язык этого чувства и критикующая остроумная речь обо всех сторонах своего состояния. Чистое здравомыслие не может поэтому проявить здесь собственной деятельности и иметь собственное содержание и, следовательно, может вести себя только как формальное *верное постигание* этого собственного остроумного взгляда на мир и его язык. Так как этот язык рассеян и критика есть вздорная минутная болтовня, тотчас же забываемая, а целое существует только для некоторого третьего сознания, то последнее может различаться как *чистое* здравомыслие только благодаря тому, что оно собирает вместе указанные рассеивающиеся черты в некоторую общую картину и делает их затем взглядом всех.

Этим простым средством здравомыслие приведет к прекращению хаоса этого мира. Ибо оказалось, что не массы, определенные понятия и индивидуальности составляют сущность этой действительности, а что она имеет свою субстанцию и опору единственно в духе, который существует в качестве суждений и дискуссий, и что только заинтересованность в том, чтобы иметь содержание для этого резонерства и болтовни, сохраняет целое и массы его расчленения. В этом языке здравомыслия его самосознание еще есть для *себя* некоторое *для-себя-сущее*, "*это*" *единичное*; но суетность содержания есть вместе с тем суетность самости, имеющей об этом содержании суетное знание. Так как спокойно постигающее сознание из всей этой остроумной болтовни суетности собирает вместе наиболее меткие и вскрывающие суть дела формулировки, то вместе с прочей суетностью наличного бытия пропадает душа, еще поддерживающая это целое, – тщеславие остроумной критики. Это собрание [указанных формулировок] показывает большинству более проникающую, или всем – по меньшей мере более разнообразную остроту ума, чем их собственная, а также претензию на всеобъемлющее знание и способность критиковать вообще как нечто всеобщее, а теперь и общеизвестное; тем самым теряется единственный интерес, который еще имелся, и единичное разумение растворяется во всеобщее здравомыслие.

Но над суетным знанием еще прочно высится знание о сущности, и чистое здравомыслие проявляется в подлинной деятельности лишь постольку, поскольку оно выступает против веры.

а. Борьба просвещения с суевением

[1. Негативное отношение здравомыслия к вере.] – Разные виды негативного отношения сознания, с одной стороны, скептицизма, с другой стороны, теоретического и практического идеализма, суть подчиненные формы по отношению к форме *чистого здравомыслия* и его распространения, [т.е.] *просвещения*; ибо последнее родилось из субстанции, знает чистую *самость* сознания как абсолютную и равняется с чистым сознанием абсолютной сущности всей действительности. – Так как вера и здравомыслие суть одно и то же чистое сознание, но по форме противоположны – для веры сущность есть в виде *мысли*, а не в виде *понятия*, и потому – нечто просто противоположное самосознанию, для чистого же здравомыслия сущность есть *самость*, – то друг для друга одно есть просто негативное другого. – В том виде, в каком оба выступают в отношении друг друга, на долю веры приходится все *содержание*, ибо в ее спокойной стихии мышления каждый момент приобретает *устойчивость*; – чистое же здравомыслие сначала не имеет содержания и, напротив, есть чистое исчезание его; но в силу негативного движения в противоположность тому, что негативно ему, оно реализуется и сообщает себе некоторое содержание.

[(а) *Распространение чистого здравомыслия.*] – Оно знает веру как то, что ему – разуму и истине – противоположно. Так же, как вера для него в общем есть сплетение суевений, предрассудков и заблуждений, так сознание этого содержания для него организуется далее в царство заблуждения, в котором непосредственно, наивно и без рефлексии в себя само содержатся ложные взгляды сразу в виде *общей массы* сознания; но и они заключают в себе момент рефлексии в себя, или самосознания, отдельно от наивности, в виде остающегося для себя на заднем плане здравомыслия и злого умысла, которым одурачивается этот момент. Указанная масса есть жертва обмана со стороны *духовенства*, которое осуществляет свое завистливое тщеславие – быть единственным обладателем здравых взглядов, равно как и всякое другое своекорыстие, и в то же время вступает в заговор с *деспотизмом*, который в качестве синтетического лишённого понятия единства реального и этого идеального царства – случай редкостной непоследовательности – возвышается над дурным здравомыслием толпы и дурным умыслом духовенства, соединяет в себе то и другое, и из глупости народа и из того, что он сбит с толку обманывающим духовенством, презирая обе стороны, извлекает выгоду спокойного господства и удовлетворения своих желаний и произвола, но в то же время представляет собой ту же тупость здравомыслия – то же суевение и заблуждение.

По отношению к этим трем сторонам врага просвещение ведет себя по-разному; так как его сущность есть чистое здравомыслие, в себе и для себя "*всеобщее*", то его истинное отношение с другим крайним термином есть отношение, в котором оно стремится к *общему* и *одинаковому* в обоих. Сторона *единичности*, изолирующей себя из всеобщего наивного сознания, составляет то противоположное здравомыслию, чего оно непосредственно касаться не может. Воля обманывающего духовенства и угнетающего деспота не есть поэтому непосредственно предмет их действия, а таковым служит лишённое воли здравомыслие, не разъединяющееся вплоть до для-себя-бытия, – *понятие* разумного самосознания,

имеющее в массе свое наличное бытие, но в ней еще не наличествующее в качестве понятия. Но так как чистое здравомыслие избавляет это честное здравомыслие и его наивную сущность от предрассудков и заблуждений, то оно вырывает из рук дурного умысла реальность и власть его обмана, чье царство имеет свою *почву* и материал в недошедшем до понятия сознания общей массы и чье *для-себя-бытие* имеет свою *субстанцию* в *простом* сознании вообще.

Отношение чистого здравомыслия к наивному сознанию абсолютной сущности имеет, далее, два аспекта: с одной стороны, чистое здравомыслие в себе тождественно этому сознанию, с другой стороны, это сознание в простой стихии своей мысли предоставляет свободу абсолютной сущности, равно как и ее частям, позволяет им сообщить себе устойчивое существование и признает их лишь в качестве своего "*в себе*", а потому – предметно, свое же *для-себя-бытие* в этом "*в себе*" оно отрицает. – Поскольку, согласно первому аспекту, эта вера *в себе* есть для чистого здравомыслия чистое *самосознание* и должно лишь *для себя* стать таковым, постольку чистое здравомыслие имеет в этом понятии самосознания стихию, в которой оно реализует себя вместо ложного взгляда.

Со стороны того, что оба по существу суть одно и то же и что отношение чистого здравомыслия имеет место благодаря той же и в той же стихии, его сообщение есть *непосредственное* сообщение и его давание и получение есть беспрепятственный переход одного в другое. Какой бы, далее, клин не вбивался в сознание, оно *в себе* есть та простота, в которой все растворено, забыто и наивно и которая поэтому просто восприимчива к понятию. Сообщение чистого здравомыслия вследствие этого можно сравнить со спокойным расширением или же *распространением* какого-нибудь аромата, беспрепятственно наполняющего собой атмосферу. Оно есть всюду проникающая зараза, сначала не замечаемая как нечто противоположное той равнодушной стихии, в которую она проникает, и потому не может быть предотвращена. Лишь когда зараза распространилась, она существует *для сознания*, которое беспечно отдалось ей. Ибо хотя оно восприняло в себя именно простую сущность, равную себе и ему, но в то же время оно было простой рефлексированной в себя *негативности*, которая затем, согласно своей природе, раскрывается как нечто противоположное и таким образом напоминает сознанию о его прежнем образе; она есть понятие, которое есть простое знание, знающее себя само и в то же время – свою противоположность, но знающее ее внутри себя снятой. Насколько поэтому чистое здравомыслие существует для сознания, оно уже распространилось; борьба с ним указывает на имеющую место заразу; но борьба запоздала, и всякое средство лишь ухудшает болезнь, ибо она поразила самую сердцевину духовной жизни, а именно сознание в его понятии или самое его чистую сущность; поэтому в нем и нет такой силы, которая могла бы превозмочь заразу. Так как она – в самой сущности, то ее отдельные внешние проявления еще могут быть сдержаны, а поверхностные симптомы смягчены. Это ей в высшей степени выгодно, ибо она теперь не расточает силы попусту и не показывает себя недостойной своей сущности, что бывает тогда, когда она прорывается в симптомах и отдельных вспышках против содержания веры и против связи ее внешней действительности. Наоборот, теперь, словно невидимый и незаметный дух, она пробирается вглубь, в самые благородные органы и прочно завладевает чуть ли не всеми внутренностями и членами бессознательного идола, и "*в одно прекрасное утро* она толкает локтем товарища, и трах-тарарах! – идол повержен!" [33], – *в одно прекрасное утро*, полдень которого не кровав, если зараза проникла

во все органы духовной жизни; только память тогда сохраняет еще мертвый образ прежней формы духа как некоторую неизвестно как протекавшую историю; и новая, вознесенная для поклонения змея мудрости таким образом только безболезненно сбросила с себя дряблую кожу.

[(β) *Здравомыслие против веры.*] – Но это безмолвное продвижение духа в простом "внутреннем" своей субстанции, скрывающего от себя свои действия, есть только одна сторона реализации чистого здравомыслия. Распространение последнего состоит не только в том, что равное сходится с равным; и его претворение в действительность есть не только расширение, свободное от противоположностей. Действование негативной сущности есть точно так же по существу некоторое развитие, различающееся внутри себя движение, которое как сознательное действие должно установить свои моменты в определенном явном наличном бытии и должно наличествовать как громкий шум и насильственная борьба с противоположным как таковым.

Рассмотрим поэтому, каково *негативное* отношение *чистого здравомыслия* и *умысла* к другому противоположному им, которое они застают наличествующим. – Чистое здравомыслие и умысел в своем негативном отношении могут быть негативностью только себя самого, так как их понятие есть вся сущность и ничего вне ее. Поэтому в качестве здравомыслия они превращаются в негативное чистого здравомыслия, становятся не-истиной и не-разумом, а в качестве умысла превращаются в негативное чистого умысла, в ложь и неблагоприятность цели.

Оно запутывается в этом противоречии вследствие того, что вступает в спор и мнит, будто борется с чем-то "иным". – Оно мнит это только потому, что его сущность как абсолютная негативность состоит в том, что ему самому присуще инобытие. Абсолютное понятие есть категория; оно состоит в том, что знание и *предмет* знания – одно и то же. Следовательно, то, что чистое здравомыслие провозглашает как свое "иное", то, что оно провозглашает как заблуждение или ложь, может быть только оно само; оно может осуждать лишь то, что есть оно само. То, что не разумно, не имеет *истины*, или то, что не постигнуто в понятии, *не существует*; когда разум, стало быть, говорит о чем-то ином, нежели то, что он есть, он на самом деле говорит только о себе самом; он здесь не выступает из себя. – Эта борьба с противоположным поэтому включает в себя тот смысл, что она есть *претворение здравомыслия в действительность*. Это претворение и состоит в движении, направленном на то, чтобы развивать моменты и вернуть их обратно в себя; часть этого движения есть различение, в котором постигающее в понятиях здравомыслие противопоставляет себе себя само как *предмет*; пока оно пребывает в этом моменте, оно отчуждено от себя. Как чистое здравомыслие оно лишено всякого *содержания*; движение его реализации состоит в том, что оно *само* открывается себе как содержание, ибо никакое иное содержание ему открыться не может, потому что оно есть самосознание категории. Но так как оно знает содержание прежде всего в противоположном только как *содержание* и не знает еще его в качестве себя самого, то оно в нем не узнает себя. Смысл его осуществления состоит поэтому в том, чтобы содержание, сначала предметное для него, признать своим содержанием. Но результатом поэтому будет не восстановление заблуждений, с которыми оно борется, и не его первое понятие, а некоторый здравый взгляд, который абсолютную негацию себя самого признает своей собственной действительностью, самим собою, или своим понятием, познающим себя само. – Эта природа борьбы просвещения с заблуждениями, состоящая в том, что в их

лице оно борется с самим собою и этим осуждает то, что утверждает, – есть *для нас*, или есть то, что есть просвещение и его борьба *в себе*. Но первая сторона борьбы – осквернение просвещения из-за принятия негативного отношения в свою равную себе самой *чистоту* – состоит в том, что подобно тому как просвещение есть *предмет для веры*, которая, стало быть, узнает его на опыте как ложь, неразумие и дурной умысел, точно так же и вера для него – заблуждение и пред-рассудок. – Что касается содержания здравомыслия, то оно прежде всего есть пустое здравомыслие, которому его содержание кажется чем-то "иным"; поэтому оно застаёт свое содержание готовым в таком виде, что это содержание еще не его содержание, – застаёт как совершенно независимое от него наличное бытие – в вере.

[(γ) *Здравомыслие как непонимание себя самого.*] – Просвещение, стало быть, постигает свой предмет прежде всего и вообще так, что принимает его за *чистое здравомыслие* и, не узнавая [в нем] себя самого, объявляет его заблуждением. В *здравомыслии* как таковом сознание постигает предмет так, что он становится для сознания его сущностью или предметом, в который оно проникает, в котором оно содержится, остается у себя и налично для себя и, так как оно тем самым есть его движение, оно порождает *его*. Именно в качестве этого просвещение правильно характеризует веру, говоря о ней, что то, что для нее есть абсолютная сущность, есть бытие ее собственного сознания, ее собственная мысль, нечто порожденное сознанием. Тем самым просвещение объявляет ее заблуждением и вымыслом относительно того же, что есть [само] просвещение. – Просвещение, которое хочет научить веру новой мудрости, следовательно, ничего нового ей не говорит, ибо предмет веры для нее как раз это и есть, т.е. чистая сущность ее собственного сознания, так что это сознание выявляется в нем не потерянным и не подвергшимся негации, а напротив, оно доверяет ему, а это и значит, что оно находит внутри его себя как "*это*" сознание или как самосознание. *Собственная достоверность* того, кому я доверяю, есть для меня *достоверность меня* самого; я узнаю в нем мое для-меня-бытие благодаря тому, что он признает его и оно для него – цель и сущность. Но доверие есть вера, потому что верующее сознание *непосредственно относится* к своему предмету и, следовательно, созерцает также и то, что оно составляет "*одно*" со своим предметом, что оно – в нем. – Далее, так как для меня то составляет предмет, в чем я узнаю себя самого, то я вижу себя в нем в то же время вообще другим самосознанием, т.е. таким самосознанием, которое в нем отчуждено от своей особенной единичности, а именно от своей природности и случайности, но, с одной стороны, оно остается в нем самосознанием, а с другой стороны, именно в нем оно есть *существенное* сознание как чистое здравомыслие. – В понятии здравомыслия содержится не только то, что сознание в предмете своего рассмотрения узнает само себя и, не покидая мысленного и сначала не уходя из него обратно в себя, *непосредственно* находит себя в нем, но оно сознает себя само и как *опосредствующее* движение или: сознает себя как *действие* или созидание; тем самым это единство его как *самости* и предмета существует (ist) для него в мысли. – Именно это сознание есть также и вера; *повиновение и действие* есть необходимый момент, благодаря которому достоверность бытия осуществляется в абсолютной сущности. Это действие веры проявляется, правда, не так, что им порождается сама абсолютная сущность. Но абсолютная сущность веры по существу не есть *абстрактная* сущность, которая находилась бы по ту сторону верующего сознания, а она есть дух общины, она есть единство абстрактной сущности и самосознания. В том, что абсолютная

сущность есть этот дух общины, действие общины составляет существенный момент; дух общины есть этот момент только *благодаря порождению* сознания, или, лучше сказать, он *не есть* этот момент, если он *не* порожден сознанием, ибо как ни существенно это порождение, но столь же существенно, что оно – не единственное основание сущности, а только момент. Сущность в то же время есть в себе самой и для себя самой.

С другой стороны, понятие чистого здравомыслия есть для себя нечто *иное*, нежели его предмет, ибо именно это негативное определение составляет предмет. Так, следовательно, здравомыслие провозглашает, с другой стороны, также и сущность веры чем-то *чуждым* самосознанию, что не есть *его* сущность, а подбрасывается ему словно какой-то подкидыш. Однако просвещение здесь совершенно неразумно; вера на опыте узнает его как речь, которая не ведает, что говорит, и не понимает сути дела, когда толкует о поповском обмане и об одурачивании народа. Просвещение говорит об этом так, словно сознанию под видом сущности (*für das Wesen*) подсовывается нечто абсолютно *чуждое* и "*иное*" при помощи какого-то фокуса-покуса фиглярствующего духовенства, и в то же время утверждает, что это – сущность сознания, что сознание верит в него, доверяет ему и старается заслужить его благосклонность, – т.е. что сознание созерцает в нем *свою чистую* сущность так же, как и *свою* единичную и всеобщую *индивидуальность*, и что своим действием оно порождает это единство себя самого со своей сущностью. То, что просвещение объявляет *чуждым* сознанию, оно непосредственно объявляет *наиболее свойственным* ему. Как же оно может, таким образом, говорить об обмане и об одурачивании? Так как оно само говорит о вере *прямо* противоположное тому, что оно о ней утверждает, оно скорее показывает себя перед верой сознательной *ложью*. Как могли бы иметь место одурачивание и обман там, где сознание в своей истине непосредственно обладает *достоверностью себя самого*, где оно в своем предмете владеет *самим собою*, в такой же мере в нем находя себя, как и порождая себя? Различия не существует больше даже на словах. – Если поставить общий вопрос: *позволительно ли обманывать народ*, то на деле следовало бы ответить, что такой вопрос неуместен, потому что в этом обмануть народ невозможно. – Можно, конечно, в отдельных случаях продать медь вместо золота, поддельный вексель вместо настоящего, можно налгать и многим выдать проигранное сражение за выигранное, можно на некоторое время заставить поверить и во всякую другую ложь касательно чувственных вещей и отдельных событий; но в знании сущности, где сознание обладает непосредственной *достоверностью себя самого*, мысль об обмане отпадает полностью.

[2. Учение просвещения.] – Посмотрим, далее, как вера на опыте узнает просвещение в *различных* моментах своего сознания, чего приведенное рассмотрение касалось только в общем виде. Но эти моменты суть чистое мышление или, как предмет, *абсолютная сущность* в себе и для себя самой; затем *отношение* чистого мышления – в качестве *знания* – к абсолютной сущности, *основа его веры*, и, наконец, его отношение к ней в его действиях, или его *служение*. Подобно тому как чистое здравомыслие вообще не признавало и отрицало себя в вере, оно и в этих моментах будет поступать точно так же превратно.

[(*α*) *Извращение веры просвещением.*] – Чистое здравомыслие относится к *абсолютной сущности* верующего сознания негативно. Эта сущность есть чистое мышление, и чистое мышление внутри себя самого установлено как предмет или как *сущность*; в то же время в верующем сознании это в-себе[-бытие] мышления

приобретает для обладающего для-себя- бытием сознания форму, однако пустую лишь форму предметности; оно выступает в определении чего-то *представляемого*. Но так как со стороны *для себя сущей самости* чистое здравомыслие есть чистое сознание, то для него "*иное*" выступает как некоторое "негативное" *самосознания*. Его можно было бы принять еще или за чистое в-себе[-бытие] мышления, или же за *бытие* чувственной достоверности. Но так как в то же время оно существует для *самости*, а эта последняя как *самость*, обладающая предметом, есть действительное сознание, то специфический предмет чистого здравомыслия как таковой есть некоторая *сущая обыкновенная вещь чувственной достоверности*. Этот предмет его является ему в *представлении* веры. Оно осуждает это представление и в нем – свой собственный предмет. Но по отношению к вере оно не право уже тем, что постигает ее предмет так, как если бы он был его предметом. Оно говорит поэтому о вере, что ее абсолютная сущность есть кусок камня, деревянный чурбан, у которого есть глаза, но который не видит, или она есть кусочек теста, полученного из возвращенных в поле злаков, переработанного людьми и отправляемого назад на поле, или как бы еще вера ни антропоморфизировала сущность, как бы еще ни делала она ее себе предметной и представимой.

Просвещение, которое выдает себя за чистоту, делает здесь из того, что для духа есть вечная жизнь и дух святой, некоторую действительную *преходящую вещь* и оскверняет это ничтожным в себе воззрением чувственной достоверности – воззрением, которого для благоговейной веры вовсе не существует, так что просвещение попросту ложно приписывает ей это воззрение. То, что почитает вера, для нее отнюдь не камень или дерево или тесто и не какая-либо иная *преходящая*, чувственная вещь. Если просвещению вздумается сказать, что, мол, предмет веры все-таки есть *также* и это, или даже, что такова она в себе и поистине, то, с одной стороны, вера равным образом знает *это "также"*, но оно для веры – вне ее благоговения; а с другой стороны, для веры вообще не существует *в себе* чего-либо такого, как камень и т.п., а в себе есть для нее одна лишь сущность чистого мышления.

Второй момент есть отношение веры как *знающего* сознания к этой сущности. Для веры как мыслящего чистого сознания эта сущность непосредственна; но чистое сознание есть точно так же *опосредствованное* отношение достоверности к истине – некоторое отношение, которое составляет *основу веры*. Эта основа для просвещения точно так же превращается в случайное *знание о случайных* событиях. Но основа знания есть *знающее* всеобщее и в своей истине – абсолютный *дух*, который в абстрактном чистом сознании или в мышлении как таковом есть только абсолютная *сущность*, а как самопознание он есть *знание* о себе. Чистое здравомыслие устанавливает это знающее всеобщее, *простой себя самого знающий дух*, точно так же как и негативное самосознания. Оно само, правда, есть *чистое опосредствованное* мышление, т.е. опосредствующее себя с самим собою, оно есть чистое знание, но так как оно есть *чистое здравомыслие, чистое знание*, которое себя само еще не знает, т.е. для которого оно еще не есть то, что оно – это чистое опосредствующее движение, то последнее кажется ему – как и все, что есть оно само, – некоторым "иным". Понятое в своем претворении в действительность, здравомыслие, стало быть, развивает этот свой существенный момент, но ему кажется, что последний принадлежит вере и что в своей определенности – быть внешним для здравомыслия – он есть случайное знание таких же обычно действительных историй. Оно, следовательно, здесь ложно приписывает религиозной ве-

ре, будто ее достоверность основывается на некоторых *единичных исторических свидетельствах*, которые, рассматриваемые как исторические свидетельства, конечно, не гарантируют и той степени достоверности относительно своего содержания, с какой нам сообщаются газетные известия о каком-нибудь событии; – будто, далее, ее достоверность покоится на случайности *сохранения* этих свидетельств, – сохранения, с одной стороны, обязанного бумаге, а с другой стороны, искусству и честности при перенесении с одной бумаги на другую, – и наконец, будто эта достоверность покоится на правильном усвоении смысла мертвых слов и букв. Но на деле вера и не думает связывать свою достоверность с такими свидетельствами и случайностями; в своей достоверности вера есть наивное отношение к своему абсолютному предмету, [т.е.] чистое знание его, которое к своему сознанию абсолютной сущности не примешивает никаких букв, бумаги и переписчиков и не опосредствуется с ней через такого рода вещи. Наоборот, это сознание есть сама себя опосредствующая основа ее знания; оно есть сам дух, который свидетельствует о себе и во "*внутреннем*" *единичного* сознания, и *всеобщим наличием* веры всех в него. Если вера, исходя из исторического, хочет сообщить себе также и тот способ обоснования или по крайней мере подтверждения своего содержания, о котором говорит просвещение, и серьезно воображает и действует, как если бы это было важно, – то она уже позволила просвещению соблазнить себя; и ее старания обосновать или укрепить себя таким способом свидетельствует только о том, что в нее проникла зараза.

Остается еще третья сторона – *отношение сознания к абсолютной сущности* как некое *действие*. Это действие есть снятие особенности индивида или природного модуса его для-себя-бытия, откуда для него проистекает достоверность того, что чистое самосознание, с точки зрения своего действия, т.е. в качестве *для-себя-сущего* единичного сознания, составляет одно с сущностью. – Так как в действовании различается *целесообразность* и *цель* и так как чистое здравомыслие точно так же и по отношению к этому действованию поступает *негативно* и, как и в других моментах, отрицает себя само, то в отношении *целесообразности* оно должно проявлять себя как безрассудство, так как здравомыслие, связанное с умыслом, т.е. согласование цели и средства, кажется ему "иным", или, лучше сказать, чем-то противоположным; что же касается *цели*, то оно должно сделать целью дурное, т.е. наслаждение и обладание, и тем самым оказаться самым нечистым умыслом, так как чистый умысел в качестве "иного" также есть умысел нечистый.

Поэтому, что касается *целесообразности*, то, как мы видим, просвещение считает глупостью, когда верующий индивид сообщает себе более высокое сознание – не быть прикованным к естественному потреблению и удовольствию, – сообщает себе тем, что *действительно* отказывается от естественного потребления и удовольствия и доказывает *делом*, что презрение к ним не притворное, а истинное. – Точно так же считает оно глупостью, что индивид отрешается от своей определенности – быть абсолютно единичным, все другое исключаящим и обладающим собственностью, – отрешается тем, что сам отказывается от своей собственности, и этим *поистине* показывает, что своему изолированию он не придает серьезного значения, но что он поднялся выше природной необходимости обособляться и в этом абсолютном обособлении для-себя-бытия отрицать тождество других *с собою*. – Чистое здравомыслие считает и то и другое нецелесообразным и несправедливым, – *нецелесообразно* отказывать себе в удовольствии и отдавать имуще-

ство, для того чтобы показать себя свободным от удовольствий и имущества; оно, следовательно, напротив, объявит *глупцом* того, кто для того, чтобы поесть, принимает меры, чтобы действительно поесть. – И оно считает *несправедливым* отказывать себе в еде и отдавать масло, яйца не за деньги или деньги – не за масло и яйца, а просто, ничего взамен не получая; оно объявляет еду или обладание подобного рода вещами самоцелью и тем самым [выказывает] себя фактически весьма не чистым намерением, которое придает абсолютно существенное значение такого рода наслаждению и обладанию. Как чистое намерение оно утверждает опять-таки необходимость возвышаться над природным существованием и над алчностью и ее средствами; только оно считает глупым и несправедливым, что это возвышение надо доказывать *делом*, другими словами, это чистое намерение поистине есть обман, который призывает (*vorgibt*) к *внутреннему* возвышению и требует его, но принять это всерьез, *действительно* привести его в *исполнение* и *доказать его истинность* – это называет (*ausgibt*) оно излишним, глупым и даже несправедливым – Оно, таким образом, отрицает себя и в качестве чистого здравогомыслия, ибо оно отрицает непосредственно целесообразное действие, и в качестве чистого умысла, ибо оно отрицает намерение показать себя свободным от целей единичного существования (*der Einzelheit*).

[(β) *Положительные тезисы просвещения.*] – Так просвещение дает вере узнать его на опыте. Оно выступает в таком непривлекательном виде, потому что именно отношением к "иному" оно сообщает себе *негативную реальность*, т.е. проявляется как противоположное себе самому, но чистое здравомыслие и умсел должны сообщить себе это отношение, ибо оно есть их претворение в действительность. – Это последнее сначала выступило как негативная реальность. Быть может, с ее *положительной реальностью* дело обстоит лучше; посмотрим, как она себя ведет. – Когда все предрассудки и суеверие искоренены, возникает вопрос: *что же дальше? Какова та истина, которую просвещение распространило вместо них?* – Оно уже выразило это положительное содержание в своем искоренении заблуждения, ибо указанное отчуждение от себя самого в равной мере есть его положительная реальность. – В том, что для веры есть абсолютный дух, оно постигает то, что согласно открытому им в ней определению есть дерево, камень и т.д., – постигает их как единичные действительные вещи; так как *всякую определенность*, т.е. всякое содержание и осуществление его, оно вообще понимает таким образом как нечто *конечное*, как *человеческую сущность* и *представление*, то *абсолютная* сущность для него превращается в некоторое *vacuum*, которое не может быть сочетаемо ни с какими определениями, ни с какими предикатами. Такое сочетание само по себе заслуживало бы порицания; именно в нем-то и порождаются чудовища суеверия. Разум, *чистое здравомыслие*, само, конечно, не пусто, так как *видит* негативное себя самого, и оно составляет его содержание; оно богато, но только единичностью и ограниченностью; не приписывать абсолютной сущности и не сочетать с нею ничего подобного есть его исполненный здравомыслия образ жизни, который умеет поставить на свое место себя и свое богатство в сфере конечного и умеет достойно обходиться с абсолютным.

Этой пустой сущности противостоит в качестве *второго момента* положительной истины просвещения вообще исключенная из абсолютной сущности *единичность* сознания и всякого бытия; как *абсолютное бытие в себе и для себя*. Сознание, которое в своей; первейшей действительности есть *чувственная достоверность* и *мнение*, возвращается теперь туда, пройдя весь путь своего опыта, и снова есть

знание о *чисто негативном себя самого* или о *чувственных вещах*, т.е. о вещах *сущих*, равнодушно противостоящих его *для-себя-бытию*. Но здесь оно не *непосредственное* естественное сознание, а оно *стало для себя* таким. Отдавшись сперва всей той запутанности, в которую оно было ввергнуто своим раскрытием, отнесенное теперь чистым здравомыслием назад к своему первому формообразованию, сознание *на опыте узнало* ее как *результат*. Основанная на уразумении ничтожества всех других формообразований сознания и тем самым всего потустороннего чувственной достоверности, эта чувственная достоверность не есть более мнение, а, напротив, она есть абсолютная истина. Это ничтожество всего того, что выходит за пределы чувственной достоверности, есть, правда, только негативное доказательство этой истины, но ни к какому другому она и не способна, ибо положительная истина чувственной достоверности сама по себе есть именно *неопосредствованное для-себя-бытие* самого понятия как предмета и при том в форме инобытия, [т.е.] каждое сознание *просто* обладает *достоверностью* того, что оно *есть*, что *другие действительные вещи* – вне его, и что оно в своем *естественном бытии*, как и эти вещи, есть *в себе и для себя*, или *абсолютно*.

Наконец, *третий момент истины просвещения* есть отношение единичной сущности к абсолютной сущности, соотношение двух первых моментов. Здравомыслие как чистое здоровое усмотрение *равного* или *неограниченного* *выходит* также за пределы *неравного*, а именно конечной действительности, или за пределы себя как одного лишь инобытия. В качестве того, что по ту сторону инобытия оно имеет *пустоту*, с которой оно, стало быть, соотносит чувственную действительность. В определении этого *отношения* входят в качестве *содержания* не обе стороны, ибо одна сторона есть пустое, и содержание имеется, следовательно, только благодаря другой стороне, чувственной действительности. Но *форма* соотношения, в определении которой участвует сторона в-себе[-бытия], может быть создана как угодно, ибо форма есть *в себе негативное* и потому – себе противоположное, бытие точно так же, как и ничто, в-себе[-бытие], как и противоположное [ему], или – что то же самое – отношение *действительности* к [бытию] *в себе* как к *потустороннему* есть в такой же мере *негация*, как и утверждение действительности. Конечную действительность можно поэтому понимать в собственном смысле, как и требуется. Чувственное, таким образом, теперь *положительно* соотносится с абсолютным как с [бытием] *в себе*, а чувственная действительность сама есть *в себе*; абсолютное создает и лелеет ее. В свою очередь она и с ним соотнесена как с противоположностью, как со своим *небытием*; со стороны этого отношения она есть не в себе, а только *для некоторого "иного"*. Если в предшествующем формообразовании сознания *понятия* противоположности определились как *хорошее* и *дурное*, то, напротив, для чистого здравомыслия они превращаются в более чистые абстракции *в-себе-бытия* и бытия *для некоторого "иного"*.

[(γ) *Полезность как основное понятие просвещения.*] – Но оба подхода – как со стороны положительного, так и со стороны негативного отношения конечного к [бытию] в себе, на деле одинаково необходимы, и все, следовательно, в такой же мере есть *в себе*, как и *для некоторого "иного"*, или: все *полезно*. – Все отдает себя другим, позволяет теперь другим пользоваться собою и есть *для них*; и теперь в свою очередь оно становится, так сказать, на дыбы, выказывает равнодушие к другому, есть для себя и пользуется с своей стороны другим. – Для человека как для вещи, *сознающей* это отношение, в этом обнаруживается его сущность и его положение. Такой, как он непосредственно есть, как естественное создание *в себе*,

он *добр*, как единичное – *абсолютен*, и "иное" есть *для него*; и притом, так как для него как сознающего себя животного моменты имеют значение всеобщности, то *все* существует для его удовольствия и наслаждения, и в том виде, в каком вышел из рук божьих, он разгуливает в мире, как в насажденном для него вертограде. – Он должен вкусить также от древа познания добра и зла; для него в этом заключается польза, которая отличает его от всего иного, ибо по случайности его добрая сама по себе натура *также* такова, что избыток наслаждения идет ей во вред, или, вернее, его единичности присуще также *свое потустороннее*, она может выйти за пределы себя самой и разрушить себя. Напротив того, разум для него – полезное орудие для надлежащего ограничения этого выхода за пределы, или, вернее, для самосохранения при выходе за пределы определенного, ибо это есть сила сознания. Само наслаждение сознательной в себе *всеобщей* сущности должно быть со стороны многообразия и длительности не чем-либо определенным, а всеобщим; мера поэтому определена к тому, чтобы воспрепятствовать прекращению удовольствия в его многообразии и длительности; т.е. определение меры есть неумеренность. – Так же, как для человека все полезно, он и сам полезен, и равным образом его определение – сделаться общепользным и общепригодным членом человеческого отряда. В какой мере он заботится о себе, в такой же именно мере он должен отдавать себя другим и в такой же мере, в какой он это делает, он заботится о себе самом; рука руку моет. Но где он находится, там его надлежащее место; он извлекает пользу из других, а другие извлекают пользу из него.

Разные вещи полезны друг для друга по-разному, но все вещи обладают этой полезной взаимностью благодаря своей сущности, состоящей именно в том, что они двояким образом относятся к абсолютному: положительно, благодаря чему они суть *в себе и для себя*, и негативно, благодаря чему они суть *для других*. Отношение к абсолютной сущности или религии есть поэтому из всего полезного – самое полезное; ибо она есть *сама чистая польза*, она есть это устойчивое существование всех вещей или их *в-себе- и для-себя-бытие* и отпадение всех вещей или их *бытие для иного*.

Для веры, конечно, этот положительный результат просвещения столь же ужасен, как и его негативное отношение к ней. Это *проникновение* здравого взгляда в *абсолютную* сущность, который в ней ничего не видит, кроме именно абсолютной сущности, l'être suprême, т.е. *пустоты*, – этот *преднамеренный* взгляд, что все в своем непосредственном наличном бытии есть *в себе* или хорошо и, наконец, что *отношение* единичного сознательного бытия к абсолютной сущности, *религия*, исчерпывающим образом выражается понятием полезности, для веры просто *отвратителен*. Эта собственная *мудрость* просвещения необходимо кажется вере в то же время самой *пошлостью* и *признанием* пошлости; ибо эта мудрость состоит в том, что об абсолютной сущности она ничего не знает, или, что то же самое, знает о ней ту совершенно плоскую (ebene) истину, что она есть именно (eben) лишь *абсолютная сущность*, зато она знает только о конечном, и притом знает его как истинное, и это знание о нем как об истинном считает самым возвышенным.

[3. Право просвещения.] – Вера имеет против просвещения божественное право, право абсолютного *равенства себе самой* или чистого мышления, и она испытывает со стороны просвещения полную несправедливость, ибо просвещение искажает ее во всех ее моментах и делает их чем-то иным, нежели то, что они составляют в ней. Просвещение же имеет только человеческое право против веры и в

пользу своей истины, ибо несправедливость, которую оно учиняет, есть право *неравенства* и состоит в превращении и переименовании, – право, которое по природе свойственно *самосознанию* в противоположность простой сущности или *мышлению*. Но так как право просвещения есть право самосознания, то просвещение не только удержит *также* и свое право (так что два равных права духа противостоят друг другу и ни одно не могло бы удовлетворять другое), но оно будет утверждать абсолютное право, потому что самосознание есть негативность понятия, которая есть не только *для себя*, но также берет верх над своей противоположностью; и сама вера, так как она есть сознание, не сможет отказать ему в его праве.

[(а) *Самодвижение мысли.*] – Дело в том, что просвещение подходит к верующему сознанию не со свойственными ему принципами, а с такими, которые присущи самому этому верующему сознанию. Оно собирает воедино для верующего сознания только его *собственные мысли*, которые у него бессознательно разбредаются. Просвещение только напоминает ему при наличии *одного* из его модусов о *других*, которые у него *также* имеются, но из коих об одном оно всегда забывает при наличии другого. Просвещение именно потому оказывается чистым здравомыслием в противоположность верующему сознанию, что оно при каком-нибудь *определенном* моменте видит целое, следовательно, привносит то *противоположное*, которое соотносится с указанным моментом, и, превращая одно в другое, порождает негативную сущность обеих мыслей, *понятие*. Просвещение кажется вере искажением и ложью потому, что оно указывает на *инобытие* ее моментов; поэтому ей кажется, что оно делает из них непосредственно нечто иное, нежели то, что они суть в своей единичности, но это *иное* столь же существенно, и оно поистине имеется налицо в самом верующем сознании, с той только разницей, что последнее о нем не думает, но где-то оно у него имеется; поэтому оно верующему сознанию не чуждо, и последнее не может его отрицать.

Но само просвещение, которое напоминает вере о противоположности ее обособленных моментов, столь же мало просвещено относительно себя самого. Оно подходит к вере чисто *негативно*, поскольку исключает свое содержание из своей чистоты и принимает его за негативное себя самого. Поэтому оно и не признает себя самого в этом негативном, в содержании веры, и не объединяет на этом основании обеих этих мыслей: той мысли, которую оно привносит, и той, против которой оно ее привносит. Не признавая, что то, что оно осуждает в вере, есть непосредственно его собственная мысль, оно само существует в противоположении обоих моментов, из коих один, а именно – всякий раз тот, который противоположен вере, оно только и признает, а другой оно от него отделяет совершенно так же, как это делает вера. Оно поэтому не порождает единства обоих, как их единства, т.е. не порождает понятия; но последнее перед просвещением возникает для себя, или просвещение находит его только *имеющимся налицо*. Ибо в себе реализация чистого здравомыслия именно в том и состоит, что оно, сущность которого есть понятие, прежде всего открывается себе самому как абсолютно *иное* и отрицает себя (ибо противоположность понятия есть абсолютная противоположность) и из этого инобытия приходит к себе самому или к своему понятию. – Но просвещение *есть* только это движение, оно есть бессознательная еще деятельность чистого понятия, которая, правда, приходит к самому себе как предмет, но принимает этот последний за некоторое *"иное"*, а также не знакомо с природой понятия, состоящей в том, что именно неразличное и есть то, что абсолютно отделя-

ется. – Следовательно, в противоположность вере здравомыслие есть *сила* понятия постольку, поскольку оно есть движение и соотнесение моментов, находящихся в верующем сознании друг: вне друга, – соотнесение, в котором проявляется их противоречие. В этом заключается абсолютное *право* насилия, которое здравомыслие учиняет над верой; но *действительность*, которую оно подвергает этому насилию, заключается именно в том, что верующее сознание само есть понятие и, следовательно, само признает то противоположное, которое в него привносится здравомыслием. Оно остается правым по отношению к этому сознанию потому, что придает в нем силу тому, что самому этому сознанию необходимо и что ему самому присуще.

[(β) *Критика позиций, занимаемых верой.*] – Прежде всего просвещение утверждает момент понятия, состоящий в том, что понятие есть *действие сознания*; оно выставляет против веры утверждение, что ее абсолютная сущность есть сущность *ее* сознания как некоторой самости, или что эта сущность *порождена сознанием*. Для верующего сознания его абсолютная сущность, точно так же как она есть для него в *себе*, не есть в то же время в виде какой-то чуждой вещи, которая в нем находилась бы, неизвестно как и откуда; его доверие состоит именно в том, что оно *находит* себя в абсолютной сущности как "*это*" личное сознание, а его послушание и служение – в том, что оно своим *действием* порождает ее как *свою* абсолютную сущность. Об этом, собственно говоря, просвещение только напоминает вере, когда она просто (*rein*) провозглашает в-себе[-бытие] абсолютной сущности *по ту сторону действия* сознания. – Но так как просвещение хотя и привносит к односторонности веры противоположный момент ее *действия* в противовес бытию, о котором она здесь только и думает, но само свои мысли не объединяет, то оно изолирует чистый момент *действия* и высказывает о *в-себе*[-бытии] веры, что оно есть *лишь* нечто *порожденное* сознанием. Но изолированное действие, противоположное этому в-себе[-бытию], есть случайное действие и как действие представляющее есть порождение фикций – представлений, которые не существуют *в себе*; и оно так и рассматривает содержание веры. – Но и наоборот, чистое здравомыслие говорит точно так же противоположное этому. Утверждая момент *инобытия*, который понятие заключает в себе, оно провозглашает сущность веры как такую сущность, до которой сознанию нет дела, которая находится *по ту сторону* его, ему чужда и им не признана. Для веры она есть постольку, поскольку она, с одной стороны, ей доверяет и в ней имеет *достоверность себя самой*, а с другой стороны, поскольку пути ее неисповедимы и бытие ее непостижимо.

Далее, когда просвещение рассматривает предмет почитания веры как камень и дерево или как какую-нибудь иную конечную антропоморфическую определенность, оно утверждает этим по отношению к верующему сознанию право, которое признается и самим верующим сознанием. Дело в том, что так как последнее есть раздвоенное сознание того, что оно обладает *потусторонним действительности* и чистым *посюсторонним* этого потустороннего, то в нем фактически имеется *также* и то воззрение на чувственную вещь, по которому она обладает значимостью *в себе* и *для себя*; но оно не сводит вместе обеих этих мыслей о *сущем в себе* и *для себя*, которое для него есть то *чистая сущность*, то обыкновенная *чувственная вещь*. – Даже чистое сознание веры подвержено воздействию со стороны последнего воззрения; ибо различия ее сверхчувственного царства, так как оно не постигнуто в понятии, составляют ряд самостоятельных *форм*, и их движение

есть некоторое [историческое] *событие*, т.е. они суть только в *представлении* и им присущ модус чувственного бытия. – Просвещение, с своей стороны, точно так же изолирует *действительность* как некую покинутую духом сущность, определенность, как некоторую неподвижную конечность, которая в духовном движении самой сущности была бы не *моментом*, не ничем и не в себе и для себя *сущим* нечто, а была бы чем-то исчезающим.

Ясно, что так же обстоит дело и с *основой знания*. Верующее сознание само признает некоторое случайное *знание*; ибо оно имеет отношение к случайностям, а сама абсолютная сущность есть для него в форме некоторой представляемой обыкновенной действительности; тем самым верующее сознание есть *также* некоторая достоверность, коей самой истина не присуща, и оно признает себя таким несущественным сознанием, находящимся по сию сторону духа, удостоверяющегося в себе и подтверждающего самого себя. – Но этот момент оно забывает в своем духовном непосредственном знании об абсолютной сущности. – Просвещение же, которое напоминает о нем, помнит в свою очередь *только о* случайном знании и забывает "иное", – помнят только об опосредствовании, которое происходит благодаря *чуждому* третьему, и не помнит о том опосредствовании, в котором "непосредственное" для самого себя есть третье, благодаря чему опосредствует себя с "иным", т.е. с *самим собою*.

Наконец, рассматривая *действие* веры, просвещение находит несправедливым и нецелесообразным отказ от наслаждения и имущества. – Что касается несправедливости, то просвещение получает согласие верующего сознания в том, что само это сознание признает действительность обладания собственностью, защиты ее и наслаждения ею; оно тем более обособленно и упорно ведет себя в утверждении собственности и тем грубее предается своему наслаждению, что его религиозные действия, выражающиеся в отказе от владения и потребления, совершаются по ту сторону этой действительности и этой ценой приобретают ему свободу для той стороны. Такое служение в виде пожертвования естественным побуждением и наслаждением на деле лишено истины в силу этой противоположности; *наряду* с пожертвованием имеет место сохранение [их] при себе; такое пожертвование есть только *знак*, которым действительное пожертвование осуществляется лишь в малой доле и который поэтому фактически только *представляет* его.

Что касается *целесообразности*, то просвещение находит нелепым отдавать какую-то *долю* имущества и отказываться от какого-то потребления, чтобы чувствовать себя и оказаться свободным от имущества и потребления вообще. Верующее сознание само понимает абсолютное действие как некоторое *всеобщее* действие; не только деятельность его абсолютной сущности как его предмета есть для него некоторая общая деятельность, но и единичное сознание должно оказаться полностью и вообще свободным от своей чувственной сущности. Но отдать *какую-нибудь долю* имущества или отказаться от какого-нибудь *отдельного* наслаждения не означает этого всеобщего действия; и так как в действии перед сознанием по существу должно было бы встать несоответствие между *целью*, которая есть общая цель, и *осуществлением*, которое есть единичное осуществление, то такое действие оказывается такой деятельностью, в которой сознание не участвует, и тем самым она оказывается, собственно говоря, слишком *наивной*, чтобы быть действием; слишком наивно соблюдать пост, чтобы освободиться от удовольствия принятия пищи, слишком наивно, подобно Оригену, лишать тело дру-

гих удовольствий, чтобы доказать, что с ними уже покончено. Само действие оказывается *внешним* и *единичным* действом; но воздержание ушло корнями *внутрь* и есть нечто *всеобщее*; удовольствие [удовлетворенного] воздержания не исчезает ни с исчезновением средства, ни путем единичного лишения.

Но просвещение, с своей стороны, изолирует здесь *внутреннее, недействительное* от действительности, как оно вопреки внутренней сущности веры удержало в ее созерцании и благоговении вещную внешность. Оно усматривает существенное в умысле, в *мысли*, и этим делает ненужным действительное осуществление освобождения от природных целей; напротив, сама эта внутренняя сущность есть формальное, которое находит свое осуществление в естественных влечениях, оправдываемых именно тем, что они внутренни, что они принадлежат *всеобщему* бытию, природе.

[*(γ) Опустошение веры*] – Просвещение, таким образом, имеет неодолимую власть над верой потому, что в самом ее сознании находятся моменты, значение коих оно утверждает. Когда мы ближе присматриваемся к этой силе, то кажется, будто ее поведение по отношению к вере разрывает *прекрасное* единство *доверия* и непосредственной *достоверности*, оскверняет *духовное* сознание веры низменными мыслями о *чувственной* действительности, разрушает ее душевный уклад, *успокоенный* и *надежный* в своей покорности, *суетностью* рассудка и собственной воли и процесса осуществления. Но на деле оно, напротив, снимает *не проникнутое мыслью* или, лучше сказать, *не постигнутое в понятии* разделение, которое имеется в вере. Верующее сознание пользуется двойной мерой и весом, у него двоякие глаза, двоякие уши, двоякий язык и двоякая речь, оно удвоило все представления, не сопоставляя этого двойного смысла. Или: вера живет в двоякого рода восприятиях, во-первых, в восприятии *спящего* сознания, живущего целиком в мыслях, не постигнутых в понятии, во-вторых, в восприятии *бодрствующего* сознания, живущего целиком в чувственной действительности, и в каждом из этих случаев вера хозяйничает по-своему. – Просвещение освещает тот небесный мир представлениями чувственного мира и указывает небесному миру на ту конечность, которой вера отрицать не может, потому что она есть самосознание и, следовательно, единство, заключающее в себе оба способа представления, и в котором они не распадаются, ибо принадлежат одной и той же неделимой *простой* самости, в которую перешла вера.

Благодаря этому вера потеряла содержание, которое наполняло ее стихию, и внутри себя самой погружается в некоторую безжизненную вибрацию (*Weben*) духа. Она изгнана из своего царства, или: ее царство опустошено, так как бодрствующее сознание присвоило себе всякое различие в нем и распространение его и все его части пожертвовало и вернуло земле как ее собственность. Но вера этим не удовлетворена, ибо благодаря этому освещению повсюду возникла только единичная сущность, так что к духу обращается лишь действительность, лишенная сущности, и покинутая им конечность. – Так как у веры нет содержания и в этой пустоте оставаться она не может, или: так как, выходя за пределы конечного, которое есть единственное содержание, она находит только пустоту, то она есть *чистое томление*; ее истина есть пустое *потустороннее*, для которого уже нельзя найти соответственного содержания, ибо всему дано иное направление. – Вера, таким образом, стала на деле тем же, что и просвещение, а именно сознанием отношения сущего в себе конечного к неимеющему предикатов непознанному и непознаваемому абсолютному; с той только разницей, что просвещение есть *удов-*

летворенное, а вера – неудовлетворенное просвещение. Рассмотрение его, однако, покажет, может ли оно оставаться в своем удовлетворении; упомянутое томление омраченного духа, который скорбит об утрате своего духовного мира, затаено. Просвещению самому присущ этот порок неудовлетворенного томления как *чистый предмет* в его *пустой* абсолютной сущности, как *действие* и *движение* в *выхождении* за пределы его единичной сущности к незаполненной потусторонности, как *осуществленный предмет* там, где полезное лишено самости. Оно преодолет этот порок; из более детального рассмотрения положительного результата, который для него есть истина, будет явствовать, что этот порок в себе уже преодолен.

в. Истина просвещения

Итак, безжизненная, ничего более внутри себя не различающая вибрация духа ушла в себя самое по ту сторону сознания, которое, напротив, прояснилось. Первый момент этой ясности определен в своей необходимости и в своем условии тем, что чистое здравомыслие, т.е. здравомыслие, которое есть понятие *в себе*, претворяется в действительность; оно совершает это, устанавливая присущее ему инобытие или определенность. Таким образом оно есть негативное чистое здравомыслие, т.е. негация понятия; эта негация точно так же чиста; и тем самым этот момент стал *чистой вещью*, абсолютной сущностью, которая никакого другого определения не имеет. Если определить это точнее, можно оказать, что здравомыслие как абсолютное понятие есть различие различий, которые уже не представляют собой различия, различие абстракций или чистых понятий, которые уже не носители самих себя, а имеют опору и различие лишь благодаря *движению в целом*. Это различие неразличенного состоит именно в том, что абсолютное понятие делает себя само своим *предметом* и утверждает себя по отношению к указанному *движению* как сущность. Последняя в силу этого обходится без той стороны, в которой абстракции или различия *остаются отделенными друг от друга*, и потому становится *чистым мышлением* как *чистой вещью*. – Таким образом, это и есть упомянутая безжизненная бессознательная вибрация духа внутри себя самого, в которую погрузилась вера, потеряв различное содержание; в то же время эта вибрация есть указанное *движение* чистого самосознания, то движение, для которого оно должно быть абсолютно чуждой потусторонностью. Ибо вследствие того, что это чистое самосознание есть движение в чистых понятиях, в различиях, которые не представляют собой различия, оно на деле впадает в бессознательную вибрацию, т.е. в чистое *чувствование* или в чистую *вечность*. – Но отчужденное от себя самого понятие (ибо здесь оно находится еще на ступени этого отчуждения) не узнает этой *одинаковой сущности* обеих сторон – движения самосознания и его абсолютной сущности, не узнает их *одинаковой сущности*, которая на деле есть их субстанция и устойчивое существование. Так как понятие не узнает этого единства, то сущность имеет для него значение лишь в форме предметного потустороннего, а различающее сознание, у которого таким образом в-себе[-бытие] находится вне его, имеет значение некоторого конечного сознания.

Относительно указанной абсолютной сущности просвещение вступает само с собою в спор, который оно раньше вело с верой, и разделяется на две партии. Одна партия оказывается *побеждающей* партией лишь благодаря тому, что она распадается на две партии, ибо этим она показывает, что ей самой присуще обладание тем принципом, который она оспаривала, и что тем самым она преодолела одно-сторонность, с которой она выступала прежде. Интерес, который делился между

нею и другой партией, теперь целиком сосредоточивается на ней и забывает о другой, потому что в ней самой находит противоположность, которая занимает его. Но в то же время эта противоположность возводится в более высокую побеждающую стихию, в которой она проявляется в более чистом виде. Таким образом, возникший в одной из партий раздор, который кажется несчастьем, напротив, доказывает ее счастье.

[1. Чистая мысль и чистая материя.] – Сама чистая сущность не включает в себе различия, поэтому оно входит в нее так, что для сознания обнаруживаются две такие чистые сущности, или двоякое сознание ее. – Чистая абсолютная сущность есть только в чистом мышлении, или, лучше сказать, она есть само чистое мышление, следовательно, она просто *по ту сторону* конечного, самосознания, и есть лишь негативная сущность. Но таким способом она есть именно *бытие*, есть "*негативное*" самосознания. Как его "*негативное*" она *также* соотнесена с ним; она есть *внешнее бытие*, которое, будучи соотнесено с самосознанием, к которому относятся различия и определения, приобретает в нем различия, для того чтобы сделаться вкушаемым, видимым и т.д.; и это отношение есть *чувственная* достоверность и восприятие.

Если исходить из этого *чувственного* бытия, в которое необходимо переходит указанное негативное потустороннее, но абстрагироваться от этих определенных модусов отношения сознания, то остается чистая *материя* как безжизненная вибрация и движение внутри себя самой. Существенно при этом принять в соображение, что *чистая* материя есть только то, что *остаётся*, когда мы *абстрагируемся* от видения, осязания, вкушения и т.д.; т.е. она не есть видимое, вкушаемое, осязаемое и т.д.; то, что можно видеть, осязать, пробовать на вкус, – не *материя*, а краска, камень, соль и т.д.; она, вернее, есть *чистая абстракция*; и в силу этого налицо *чистая сущность мышления*, или само чистое мышление как неразличенное внутри себя, неопределенное, не имеющее предикатов абсолютное.

Одно направление в просвещении называет абсолютную сущность не имеющим предикатов абсолютным, находящимся по ту сторону действительного сознания в мышлении, которое было исходным пунктом; другое называет ее *материей*. Если бы они различались как *природа* и дух или *бог*, то для того, чтобы быть природой, бессознательной вибрации внутри себя самой недоставало бы богатства развитой жизни; духу же или богу – различающего себя внутри себя сознания. То и другое, как мы видели, просто одно и то же понятие; различие заключается не в сути дела, а лишь только в различных исходных пунктах обоих видов образованности и в том, что каждый из них остается на своем исходном пункте в движении мышления. Если бы они от этого отвлеклись, они сошлись бы и узнали бы одно и то же в том, что для одного направления, как оно заявляет, есть страшилище, а для другого – глупость. Ибо для одного направления в его чистом мышлении или непосредственно для чистого сознания, вне конечного сознания, абсолютная сущность есть *негативное* потустороннее этого сознания. Если бы это направление обратило внимание на то, что, во-первых, указанная простая непосредственность мышления есть не что иное, как *чистое бытие*, а, во-вторых, что негативное для сознания в то же время соотносится с ним, [т.е.] на то, что в негативном суждении связка "*есть*" (*copula*) также связывает оба отдельных термина, – то отношение этого потустороннего к сознанию оказалось бы в определении некоторого *внешнего сущего* и, следовательно, как то же самое, что называется *чистой материей*; недостающий момент *наличного бытия* был бы приобретен. – Другое направление в

просвещении исходит из чувственного бытия, *абстрагируется* затем от чувственного отношения вкушения, видения и т.д. и возводит его в чистое "*в себе*", в *абсолютную материю*, в то, что не осязается и не имеет вкуса; это бытие таким способом стало не имеющим предикатов "простым", сущностью *чистого сознания*; оно есть чистое понятие как *в себе сущее*, или *чистое мышление внутри себя самого*. Этот вид здравомыслия не делает в своем сознании противоположного шага от *сущего*, которое есть *чисто сущее*, к *мысленному*, которое есть то же самое, что *чисто сущее*, т.е. оно не делает шага от чисто положительного к чисто негативному, между тем как положительное *чисто* только лишь благодаря негации; *чисто* же негативное, будучи чистым, равно себе внутри самого себя и именно в силу этого положительно. – Иными словами, ни то ни другое не дошло до понятия картезианской метафизики, утверждающей, что *бытие в себе* и *мышление* – одно и то же, не дошло до мысли, что *бытие*, *чистое бытие*, не есть *конкретное действительное*, а есть *чистая абстракция*, и наоборот, чистое мышление, равенство себе самому или сущность есть, с одной стороны, "*негативное*" самосознания и тем самым – *бытие*, а с другой стороны, как непосредственная простота точно так же есть не что иное, как *бытие*; *мышление* есть *вещность*, или *вещность* есть *мышление*.

[2. Мир полезного.] – *Раздвоение* присуще здесь сущности лишь в том смысле, что она подвергается двоякого рода способу рассмотрения; с одной стороны, сущность должна в самой себе заключать различие, с другой же стороны, именно в этом оба способа рассмотрения совпадают; ибо абстрактные моменты чистого бытия и "негативного", которыми они различаются, соединяются затем в предмете этих способов рассмотрения. Общая им всеобщность есть абстракция чистой вибрации внутри себя самой, или чистого, мышления себя самого. Это простое вращательное движение вокруг оси должно рассеяться, потому что оно само есть движение лишь постольку, поскольку оно различает свои моменты. Это различение моментов сбрасывает с себя то, что неподвижно, как пустую оболочку чистого бытия, которое внутри себя самого уже не есть действительное мышление, не есть жизнь; ибо, будучи различием, оно есть все содержание. Но это различие, которое устанавливает себя *вне* указанного *единства*, есть, следовательно, *невозвращающаяся в себя* смена моментов – *в-себе-бытия*, *бытия для "иного"* и *для-себя-бытия*, – есть действительность, как она есть предмет для действительного сознания чистого здравомыслия, – [т.е.] *полезность*.

Какой бы дурной ни казалась полезность вере, или сентиментальности, или же абстракция, которая называет себя спекуляцией и которая за собою закрепляет *в-себе* [-бытие], – в полезности чистое здравомыслие завершает свою реализацию и есть для себя самого свой *предмет*, которого оно более уже не отрицает и который также не имеет для него значения пустоты или чистой потусторонности. Ибо чистое здравомыслие, как мы видели, есть само сущее понятие или себе самой равная чистая личность, так различающая себя внутри себя, что всякое различенное (*der Unterschiedenen*) само есть чистое понятие, т.е. непосредственно лишено различия (*nicht unterschieden*); оно есть простое чистое самосознание, которое находится в некотором непосредственном единстве так же *для себя*, как и *в себе*. Его *в-себе-бытие* не есть поэтому постоянное *бытие*, а сразу перестает быть чем-нибудь в своем различии; бытие же, непосредственно не имеющее опоры, есть не *в себе*, а по существу *для некоторого "иного"*, которое есть сила, его поглощающая. Но этот второй момент, противоположный первому, *в-себе-бытию*, исчезает

столь же непосредственно, как и первый, или: в качестве бытия *лишь для "иного"*, оно, лучше сказать, есть само *исчезновение*, – и *установлена возвращенность* в себя, *для-себя-бытие*. Но это простое для-себя-бытие, как равенство себе самому, есть, напротив, *некоторое бытие*, или оно тем самым есть *для некоторого "иного"*. – Эту природу чистого здравомыслия в *раскрытии его моментов* или его в качестве *предмета* выражает полезное. Оно есть нечто в-себе-устойчивое или вещь, в то же время это в-себе-бытие есть лишь чистый момент; оно есть, следовательно, абсолютно *для некоторого "иного"*, но оно точно так же есть лишь для некоторого "иного", как оно есть в себе; эти противоположные моменты возвращены в нераздельное единство для-себя-бытия. Но полезное хотя и выражает понятие чистого здравомыслия, все же оно есть чистое здравомыслие не как такое, а как *представление* или как *предмет* чистого здравомыслия; оно есть только беспрестанная смена указанных моментов, из коих один, правда, есть сама возвращенность в себя самого, но лишь как *для-себя-бытие*, т.е. как некоторый абстрактный момент, который по сравнению с другими теряет свое значение. Само полезное не есть негативная сущность, состоящая в том, чтобы иметь эти моменты в их противоположении одновременно *нераздельными* в одном и *том же отношении* или в качестве *мышления* в себе, как они суть в качестве чистого здравомыслия; момент *для-себя-бытия*, конечно, присущ полезному, но не так, чтобы он брал *верх* над другими моментами, над *в-себе[-бытием]* и *бытием для "иного"*, и, следовательно, был бы *самостью*. В полезном чистое здравомыслие, стало быть, имеет *предметом* свое собственное понятие в его *чистых моментах*; оно есть сознание этой *метафизики*, но еще не постижение ее в понятии; это сознание еще не дошло до *единства бытия и самого понятия*. Так как полезное имеет еще для здравомыслия форму предмета, то здравомыслие имеет еще некоторый – правда, уже не в себе и для себя сущий, – но все же некоторый *мир*, который око отличает от себя. Но так как противоположности достигли вершины понятия, то следующей ступенью будет то, что они низвергнутся, и просвещение на опыте узнает плоды своих дел.

[3. Самодостоверность.] – Если рассматривать достигнутый предмет в отношении к этой сфере в целом, то действительный мир образованности нашел свое выражение в *тщеславии* самосознания – в *для-себя-бытии*, которое своим содержанием еще имеет его хаотичность и которое есть еще *единичное* понятие, но еще не есть понятие для себя *всеобщее*. Однако возвращенное в себя единичное понятие есть *чистое здравомыслие* – чистое сознание как чистая самость или негативность, подобно тому как вера есть то же чистое сознание как *чистое мышление* или положительность. Вера в этой самости получает восполняющий ее момент; но так как благодаря этому дополнению она гибнет, то мы видим теперь оба момента в чистом здравомыслии как абсолютную сущность, которая только *мысленна* или есть негативное, и как *материю*, которая есть положительное *сущее*. Этой полноте недостает еще указанной *действительности* самосознания, принадлежащей *тщеславному* созданию, – мира, из которого мышление поднялось до себя. Это недостающее достигнуто в полезности постольку, поскольку чистое здравомыслие обрело в ней положительную предметность; в силу этого чистое здравомыслие есть действительное внутри себя удовлетворенное сознание. Эта предметность составляет теперь его *мир*; она стала истиной всего предшествующего мира, как идеального, так и реального. Первый мир духа есть распространившееся царство его рассеивающегося наличного бытия и *разделенной достоверности* себя самого, подобно тому как природа рассеивает свою жизнь в бесконечно разнооб-

разных формах без того, чтобы имелся налицо их *род*. Второй мир содержит *род* и есть царство *в-себе-бытия* или *истины*, противоположной указанной достоверности. Третье же, полезное, есть *истина*, которая точно так же есть *достоверность себя* самого. Царству истины *веры* недостает принципа *действительности* или достоверности себя самого как "этого" единичного. Действительности же или достоверности себя самого как "этого" единичного недостает *в-себе*[-бытия]. В предмете чистого здравого смысла оба мира соединены. Полезное есть предмет, поскольку самосознание проникает в него и поскольку *единичная достоверность себя* самого находит в нем свое наслаждение (свое *для-себя-бытие*); оно таким образом *здраво рассматривает* предмет, и этот здоровый взгляд заключает в себе *истинную* сущность предмета (состоящую в том, что он есть нечто проникаемое для взора или есть *для некоторого "иного"*); само это здравомыслие, стало быть, есть *истинное знание*, и самосознание столь же непосредственно обладает всеобщей достоверностью себя самого, своим *чистым сознанием* в том отношении, в котором, стало быть, соединены как *истина*, так и настоящее бытие и *действительность*. Оба мира примирены, и небо пересажено на землю.